

УДК 94(575+571)''1918/1920''

**БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ, ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО И УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ
В ПОЛИТИКЕ КОЛЧАКОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Н. И. Наумова

**THE KHANATE OF BUKHARA, KHIVA AND URYANKHAY KRAY
IN KOLCHAK'S GOVERNMENT POLICY**

N. I. Naumova

Работа выполнена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009).

Сохранение территориального и государственного единства было одним из приоритетных направлений в политике колчаковского правительства. Это проявилось в действиях по отношению к протекторатам России, Хиве, Бухаре и Туве (Урянхайскому краю). Подобную задачу было трудно реализовать из-за сложных внешних обстоятельств. Эти территории располагались в стратегически важных регионах, где сталкивались интересы Англии, Китая, Монголии, а также были сферы борьбы между Советским государством и российскими антибольшевистскими образованиями. Колчаковское правительство стремилось сохранить покровительство и прежние договорные отношения, заключенные до 1917 г. Связь с Бухарой и Хивой как союзниками в борьбе с большевиками получили особое значение осенью 1919 г., когда от них потребовалась дополнительная военная помощь. В Хиву были отправлены военная миссия и обращения к хану Хивинскому и эмиру Бухарскому. В грамотах Колчак определил цели своего правительства: борьба с большевизмом, восстановление мира и спокойствия, право народам Российского государства свободно определить «свою жизнь через посредство Учредительного собрания». В отношении Урянхайского края колчаковская власть попыталась найти новые механизмы укрепления его связей с государственным пространством России. Элементы самоуправления урянхов сохранились для завоевания их доверия, но под контролем омской власти. Усилить воздействие должен был главный лама Урянхайского края, сторонник союза с Россией (но не с Китаем и Монголией). Власть сделала его самостоятельной фигурой, независимой от ламаистского духовенства в других государствах. Все эти меры в условиях Гражданской войны не смогли обеспечить целостность России. Препятствием служили стратегия белогвардейцев по сохранению единой и неделимой России без гарантий изменения статуса национальных территорий и рост борьбы за национальный суверенитет в новых условиях, что проявилось в политических устремлениях протекторатов.

Preserving the territorial and state unity was one of the priorities in Kolchak's government policy. That became evident in the actions toward the protectorates of Russia: Khiva, Bukhara and Tuva (Uryankhay Kray). Such a task was difficult to implement because of complicated external circumstances. Those territories were strategic localities where interests of Great Britain, China and Mongolia competed, and where the spheres of struggle between the Soviet State and the Russian antibolshevik units were present. Kolchak's government strove to keep the protectorship and the pre-existing treaty obligations concluded before 1917. The relations with Bukhara and Khiva as antibolshevik struggle allies assumed particular significance in the autumn of 1919, when their additional military assistance was demanded. The military mission was sent to Khiva along with the appeal to the chagan of Khiva and the emir of Bukhara. In the missive letters Kolchak determined the objectives of his government: struggle against Bolshevism; restoration of peace and order; the right of the Russian State's peoples to the freedom of self-determination of «their life through establishing Constituent assembly». Concerning Uryankhay Kray, Kolchak's regime tried to find new mechanisms to strengthen its ties with the state domain of Russia. The elements of the Uryankhs' self-government of were preserved for the purpose of gaining their trust. But the elections of the people's representatives had to be held under the control of Omsk authorities. The chief lama of Uryankhay Kray, the supporter of the alliance with Russia (but not with China and Mongolia), had to strengthen his influence on the Uryankhs. The regime made him a substantive figure, independent from Lamaist clergy of other countries. However, all these measures in the situation of the Civil War were not sufficient for providing Russian integrity. The White Guard's strategy to preserve the united and integral Russia without guarantees of altering the status of national territories served as an obstacle for the policy implementation. This aggravated public sentiments and lack of support for the maintenance of protectorates as part of Russia.

Ключевые слова: Колчак, национальная политика, Хива, Бухара, Танну-Тува.

Keywords: Kolchak, national policy, Khiva, Bukhara, Tannu-Tuva.

Проблема территориального и государственного единства многонациональных сообществ приобретает все больший исследовательский интерес. При этом центром внимания становится не только современная национальная политика, но и прошлая. Сохранение

единства России приобрело особую значимость в условиях смены политических режимов в 1917 – 1920 гг. Задача по сохранению единства России стала приоритетной в политике белогвардейских правительств, в том числе колчаковского. Это проявилось в

действиях по отношению к протекторатам России – Хиве, Бухаре и Туве (Урянхайскому краю). Вопрос защиты целостности России стал частью внутренней и международной политики правительства адмирала Колчака 1918 – 1919 гг. Эти территории располагались в стратегически важных регионах, где сталкивались интересы Англии, Китая, Монголии, советского государства, российских антибольшевистских правительств. События 1-й мировой войны, революций 1917 г., гражданской войны разрушили старую систему протекторатных отношений, которые оформились с Бухарским эмиратом (1868 – 1873 гг.), с Хивинским ханством (1873 г.), Тувой (1914 г.). Это означало для них потерю самостоятельности во внешней политике. Временное правительство подтвердило протекторатные отношения, одновременно пытаясь изменить внутренний деспотический режим в Бухаре и Хиве на более демократических основаниях. Для Тувы протекторат означал оформление административных границ, обеспечивал ее выделение как особой этнической территории и как отдельного субъекта международных отношений России с ее соседями – Монголией и Китаем [14, с. 53 – 54]. Временное правительство в 1917 г. заявило о сохранении протектората над Тувой. Была утверждена должность комиссара в регионе. В то же время устойчивые отношения центра с регионом не сложились.

После победы советской власти произошли изменения в их положении. В ноябре – декабре 1917 г. Совнарком Туркестанской республики объявил о признании советской властью суверенитета Бухары и Хивы. В период существования советской власти в Сибири в 1917 – 1918 гг. между ее представителями и представителями урянхов был подписан договор о самоопределении Тувы [2, с. 151 – 152].

Установление советской власти в Туркестанском крае было воспринято правительствами Бухары и Хивы настороженно. Большевицкая идеология была непонятна хану и эмиру, а политика национализации грозила лишить их имущества. На открытую конфронтацию с большевиками они не шли, оказывая только продовольственную помощь русским офицерам и казакам, воздерживаясь от открытой военной поддержки [15, с. 107 – 108]. В то же время летом 1919 г. между Джунаид-ханом и эмиром Бухарским был заключен военно-политический союз против советской власти [10, с. 271].

Бухарский эмир и Хивинский хан находились в сложной ситуации из-за внутренней нестабильности в результате действий оппозиции – младобухарцев и младохивинцев. Хивинский хан к тому же имел формальную власть, поскольку один из племенных вождей туркмен – Джунаид-хан практически захватил власть в Хиве и определял всю политику, действуя зачастую в собственных интересах, что затрудняло самостоятельные действия Хивинского хана.

Мирный договор 23 марта 1918 г. между Туркестанской советской республикой и Бухарой предусматривал независимость последней. Мирный договор 9 апреля 1919 г. между этой же республикой и Хивой признавал право Хивы на самоопределение [15, с. 124, 138]. Эти правители получили после обре-

тения независимости те полномочия, которых они были лишены – право на самостоятельную внешнюю политику. В целом множество факторов определяли их отношения с внешним миром. Перед правящими кругами Бухары и Хивы встала задача выбора собственного внешнеполитического курса. Правители этих государственных образований стремились проводить независимую политику, исходя из сложной обстановки гражданской войны [15, с. 176 – 177], балансируя между крупными противоборствующими силами – Англией, Советской Россией, антибольшевистскими правительствами. Они не отказывались от переговоров с последними. В частности, в августе 1919 г. миссия Бухарского эмира была принята генералом А. И. Деникиным [1]. В прессе белогвардейского Юга выражалась уверенность в том, что Бухара и весь Туркестан после освобождения от большевизма установят «прежнюю связь с новой Россией». Прибытие миссии приветствовалось [17].

Колчаковское правительство, как и Временное Сибирское правительство, пыталось установить связь с далекими национальными регионами, включая и те, которые в сферу действия их власти не входили. Свидетельством этого является наличие в материалах, представленных на судебном процессе над колчаковскими министрами, «Обращения Временного Сибирского правительства к эмиру бухарскому» [8, с. 324]. Сибирское правительство в начале июля 1918 г. обсуждало вопрос об отношении к Урянхайскому краю [7, с. 62]. Временное Сибирское правительство подтвердило свой протекторат над регионом [13, с. 51]. Проблема Урянхая стала предметом обсуждения министра МВД В. Н. Пепеляева с генералом С. Н. Розановым 6 июля 1919 г., а 10 июля – на Совете Верховного правителя. Была выработана одна точка зрения: «Край нельзя терять» [16, с. 55]. Поддержку у Пепеляева получил и глава урянхайского духовенства при личной встрече [16, с. 63]. В июле 1919 г. В. Н. Пепеляев инициировал в Совете Верховного правителя обсуждение положения о Семиреченской области в Туркестане, предложив «ускорить их очищение при помощи иностранцев» [4, л. 107].

Осенью 1919 г. для колчаковской власти особое значение приобрело получение дополнительной военной помощи, в том числе от Бухары и Хивы, которых белогвардейцы рассматривали как активных союзников в борьбе с большевиками, тесно связанных принадлежностью к одному государству. В сентябре 1919 г. Верховный правитель адмирал Колчак отправил со специальными посланниками личные письма эмиру бухарскому и хану хивинскому. В письме хану он определил политическое положение Хивы и выразил надежду на военную помощь. Он подтвердил, что Хива находится «под исключительным покровительством Российского государства, пользуется во внутренних своих делах той самостоятельностью и сохраняет те преимущества, кои предусмотрены договорами, заключенными» до 1 марта 1917 г. [18, с. 77]. Все соглашения Хивинского ханства с советскими властями Туркестанского края Российское правительство признало «незаконными и недействительными». В послании адмирал Колчак представил Российское

правительство, им возглавляемое, как власть, ставящую «своей священной обязанностью» восстановление мира и спокойствия в стране. И тем самым обеспечить народам российского государства «право свободно определить свое существование» через посредство Всероссийского Учредительного собрания, которое «будет создано после окончательного разгрома большевиков», куда будут «призваны представители от всех частей Российского государства и народностей, его составляющих» [18, с. 76].

В послании приветствовалась борьба с большевиками и говорилось о том, что для «оказания помощи и содействия при создании вооруженной силы в Хивинских владениях, для предстоящей борьбы с большевиками в Туркестанском крае» и формирования отрядов из туркменских и узбекских племен и «для военной подготовки Российское правительство командировывает особую военную миссию в город Хиву» [18, с. 77]. Колчак заявил, что правительство признает хана Хивинского законным правителем и выразил уверенность, что «своим мудрым правлением страной» он восстановит мир и спокойствие, а произведя необходимые реформы, достигнет примирения между туркменскими и узбекскими племенами ханства [18, с. 77].

Адмирал Колчак, высоко оценивая твердость Хивинского правителя в борьбе с большевиками, его преданность «возрождающейся Великой России», выразил глубокую признательность и зачислил его генерал-майором по Оренбургскому казачьему войску [18, с. 77]. В этом Колчак следовал другому примеру. За усердную службу перед царской властью Бухарский эмир был возведен в чин генерал-лейтенанта. Он был назначен генерал-адъютантом Николая II и награжден орденом Александра Невского. 30 декабря 1915 г. Николай II издал официальный документ, в котором отмечал заслуги эмира перед властью [9, с. 28].

В обращении Верховного правителя содержалась оценка большевиков как «преступной банды изменников и предателей, незаконно присвоившей власть», которая нарушает традиции, предписания Корана и шариата. Это должно было стать, по мнению Колчака, основой для борьбы с советской властью [18, с. 76]. Адмирал Колчак от имени Российского правительства определил его задачи в Туркестанском крае после освобождения от большевистской власти – снабжение голодающего населения хлебом, материальную помощь пострадавшим от беспорядков в 1916 и 1917 гг., «улучшение народного хозяйства», развитие торговли и промышленности, содействие «распространению народного образования в Хивинском ханстве» [18, с. 77]. Архивные материалы позволяют говорить о том, что подобное по содержанию письмо было отправлено эмиру Бухарскому [5, л. 312 – 312 об., 313 – 313 об.].

Генералы Генерального штаба предлагали снабдить «глав военных миссий особыми открытыми предписаниями всем органам правительственной власти об оказании помощи и содействия членам военных миссий». Они считали необходимым дать указания, «в каком духе вести агитацию и какого курса

придерживаться во внутренних политических делах» Бухары и Хивы [5, л. 238]. Не все военные из окружения Колчака одобряли посылку такого отряда. Так, генерал А. П. Будберг протестовал против обсуждения текста этих грамот, полагая, что такие документы «присылаются особыми послами и вручаются в торжественной аудиенции, а не проносятся зашитыми под подкладку шинели или заделанными в сапоги, как то придется делать нашему полковнику, собирающемуся пробираться в Бухару со стороны Китайского Туркестана и переодетым». Он полагал, что уважающему себя правительству не следует делать того, что носит «смешной, опереточный характер». Но большинство в Совете министров было другого мнения, и текст этих грамот был утвержден [12, с. 154].

В октябре 1919 г. Верховный правитель отправил в Бухару особую миссию и послал своего представителя генерала Дитерихса в Кульджу для оказания помощи эмиру Бухарскому [9, с. 85]. В мандате, предоставленном миссии, было сказано, что в Бухару она командировается «для выполнения особых поручений секретного характера и серьезного государственного значения и для вручения грамоты эмиру Бухарскому». На делегацию возлагалась задача установления контактов с Афганистаном, Бухарой, другими областями Туркестана и всероссийским правительством, чтобы «...завязать сношения и установить тесную связь с представителями дружественных стран» и при материальной поддержке с их стороны «организовать партизанские отряды из жителей некоторых областей Туркестана для борьбы с местными большевиками» [10, с. 85]. Военная миссия в Хиве состояла из 8 офицеров и 130 казаков под командованием полковника Худякова. Она привезла несколько орудий, более 500 снарядов к ним, около 1500 винтовок, 5 пулеметов, свыше 1 млн патронов [11, с. 70].

Ситуация с Урянхайским краем как пограничным районом имела свои особенности. В период существования советской власти летом 1918 г. между ее представителями и представителями урянхов был подписан договор, в котором урянхи объявлялись «свободными от русского покровительства», получив право самостоятельного управления. Обстановка усложнялась тем, что Китай и Монголия считали Урянхай своей территорией. Китай отправлял в регион военные отряды в 1918 и 1919 гг., утверждал здесь свою администрацию. Монголы, в свою очередь, стали назначать на эту территорию своих чиновников, вводить налоги. Омские власти не смогли обеспечить безопасность границ края.

В этой ситуации колчаковскому правительству пришлось решать одновременно несколько задач: не обострять отношения с Китаем и Монголией, не прерывать протекторатные отношения, контролировать внутреннюю обстановку в крае. Главная цель власти направлена была на сохранение территории и отстаивание статуса-кво. Адмирал Колчак как «Верховный правитель Великого Российского государства» в проекте грамоты Бандидо-хамбо-ламе (глава ламаистского духовенства в Урянхае) подтверждал незыблемость «милостивого покровительства» над краем [6, л. 350]. Договор лета 1918 г. о свободе от протекторатных

отношений Урянхай прокурор Иркутской судебной палаты квалифицировал как «отторжение части государства Российского, государственную измену», за что полагалась смертная казнь [3, л. 1; 5, с. 151 – 152].

Некоторые правительственные чиновники считали, что необходимо использовать «все возможности для охраны русских интересов», поскольку беспорядки и бесчинства здесь практически не прекращались из-за присутствия монгольских и китайских отрядов на этой территории. Но введение военного положения официальные лица не приветствовали. Колчаковское правительство полагало, что можно использовать административные и некоторые другие меры по урегулированию обстановки и увеличению вмешательства во внутреннее устройство региона. И пыталось найти новые механизмы включения края в государственное пространство России. Был изменен статус российского представителя. Комиссар края действовал теперь на правах управляющего губернией. Усинский пограничный район был объединен с Урянхайским краем в одну административную единицу. Элементы самоуправления урянхов сохранялись (для завоевания их

доверия), но под контролем омской власти при их избрании. Одновременно сюда был отправлен дополнительно военный отряд. Омская власть взяла под контроль деятельность главного ламы Урянхайского края, сторонника союза с Россией (но не Монголии и Китая), сделав его самостоятельной фигурой, независимой от ламаистского духовенства в других государствах.

Стратегия правительства Колчака по сохранению «единой неделимой России» без гарантий изменения статуса национальных территорий не могла быть реализована. Политика, направленная на сохранение протекторатных отношений с Хивой и Бухарой, оказалась неэффективной, как и попытка укрепления позиций в Урянхайском крае. Омское правительство не имело для этого необходимой полноты власти, дееспособности. Отставивание территориальной целостности России в новых условиях, когда преобладали идеи и политика сепаратизма и борьбы за национальный суверенитет, не способствовало принятию идеи общих государственных интересов.

Литература

1. Вечернее время. Ростов н/Д. 1919. 14 авг.
2. Гидлевский К., Сафьянов Н., Трегубенков К. Минусинская коммуна. М.; Л., 1934. 296 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 1759.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1200. Оп. 1. Д. 2.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 3. Д. 11.
6. (ГАРФ). 1701. Оп. 1. Д. 24а.
7. Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005.
8. Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. 583 с.
9. Искандаров Б. И. Бухара (1918 – 1920 гг.). Душанбе, 1970.
10. История гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1964. Т. 1.
11. История гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1970. Т. 2.
12. Медведев В. Нечаянная революция. Бухара. 1920 год // Дружба народов. 1992. № 1.
13. Молчанов Л. А. «Собственно руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: к истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны. 1918 – 1920 гг. М., 2007.
14. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX в. М., 2004.
15. Пылев А. И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917 – 1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005.
16. Развал колчаковщины // Красный архив. 1928. Т. 6.
17. Свободная речь. Екатеринодар. 1919. 24 авг.
18. Штейнберг Л. Е. Очерки истории Туркмении. М.; Л., 1934.

Информация об авторе:

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, 8-913-814-46-85, tomnin@yandex.ru.

Natalia I. Naumova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Documentation, Faculty of History Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2015 г.